

Борис Хавкин

Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература

Изучение истории немецких военнопленных в СССР (1941-1956 гг.) и советских военнопленных в „Третьем рейхе“ (1941-1945 гг.) составляет сегодня важную основу преодоления тоталитарного прошлого как в государствах распавшегося Советского Союза, так и в воссоединенной Германии.

При изобилии страданий, горя и ужасов, которые принесла людям германо-советская война 1941-1945 гг., судьба миллионов военнопленных обеих сторон представляется особенно трагичной. Как отмечает историк Христиан Штрайт: «На первый взгляд судьба обеих групп кажется очень похожей – и с той, и с другой стороны уже во время маршей в лагеря для военнопленных погибли десятки тысяч, и с той, и с другой стороны [несметное количество людей] умерло голодной смертью».¹

Однако более внимательное сравнение позволяет выявить существенные различия. По мнению некоторых германских историков, положение немецких военнопленных в системе советских штрафных лагерей было в некотором смысле привилегированным. Признак этого исследователи видят их в „Многokrратно засвидетельствованном приказе Сталина от начала 1946 г.“ о том, что „ни один из немецких военнопленных не должен больше умереть.“²

Этот тезис правилен лишь в случае сравнения положения немецких военнопленных с судьбой других узников сталинских лагерей³ или с участью красноармейцев в нацистском плену. Участь советских военнопленных в „Третьем рейхе“ сопоставима лишь с трагедией евреев.⁴

---

¹ Streit Ch. Zum Schicksal der sowjetischen Kriegsgefangenen in deutscher Hand. In: Deutsch-russische Zeitenwende. Krieg und Frieden 1941-1995. Hrsg. v. H.-A. Jacobsen, J. Loeser, D. Proektor, S. Slutsch. Baden-Baden, 1995, S.437.

² Boehme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz. In: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen im Zweiten Weltkrieg. Bd.VII, Muenchen, 1966, S.109; Streit Ch. Ibidem.

³ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, т.1, Москва, 1989, с.86-88.

⁴ Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945. Bonn, 1991; Streim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im „Fall Barbarossa. Heidelberg, 1981.

Проблема пребывания немецких военнопленных в СССР являлась одной из самых актуальных в современной истории немецко-российских отношений; обращение к ней на высшем государственном уровне во время переговоров между Канцлером ФРГ К.Аденауэром и Председателем Совета Министров СССР Н.А.Булганиным в Москве сентябре 1955 г. способствовало нормализации государственных отношений между Бонном и Москвой.⁵

В республиках СНГ и странах Балтии живут еще тысячи бывших советских солдат, которые были в немецком плену. Даже через десятки лет после второй мировой войны их в СССР и в современной России называли „предателями“.

Сразу после капитуляции Германии в 1945 г. Сталин приказал создать при фронтовых армиях фильтрационные лагеря для бывших советских военнопленных. В них после формальной и поверхностной проверки большинство освобожденных из нацистского плена солдат приговаривали к 10 годам принудительного труда в ГУЛАГе.⁶ В феврале 1957г., после XX съезда КПСС, на котором Первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев разоблачил сталинские преступления, эти люди были освобождены и амнистированы, однако не реабилитированы. По иронии судьбы, еще в 1955 г. в связи с нормализацией государственных отношений между СССР и ФРГ и так называемой „Аденауэровской амнистией“ в СССР были амнистированы те советские граждане, которые во время войны сотрудничали с германскими оккупационными властями.⁷ Только в 1995 г., через 50 лет после окончания второй мировой войны, в России были юридически полностью реабилитированы бывшие советские военнопленные.⁸

В ФРГ, в Австрии и в других странах сегодня еще живут тысячи бывших солдат и офицеров вермахта, для которых вторая мировая война и советский плен являются частью их жизни.

Многие из бывших немецких и советских военнопленных и их родственников заинтересованы в розыске и изучении своих документов, реабилитации незаконно обвиненных, поиске мест захоронения, составлении точных списков умерших и оставшихся в живых.

Решение этих задач требует проведения систематических исторических исследований как в российских, так и в германских и австрийских архивах.

---

⁵ Dokumente zur Deutschlandpolitik. III. Reihe, Bd. 1, Bonn, 1961, S. 310 ff.

⁶ Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944-1951гг. // История СССР, 1990, №4.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. „Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной Войны“. См.: Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. // Новая и новейшая история, 1996, №2, с. 108; Солженицын А.И. Указ. соч., т.3, с.439.

⁸ Указ Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина от 24 января 1995 г. „О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период“ – Российская газета, 26.1.1995 г.

Источниковую базу исследования этой проблемы в России образуют как находящиеся в Москве документы центральных архивов Российской Федерации: Архива Президента (АП РФ), Архива внешней политики (АВП РФ), Государственного архива (ГА РФ), Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК, известен по старому названию Особый архив⁹), Архива Федеральной службы безопасности (ФСБ), Российского государственного военного архива (РГВА), так и акты из архивов тех областей, где находились лагеря военнопленных. Большинство документов, которые содержатся в миллионах дел, не исследованы, многие из них, например из Архива Президента РФ или из Архива ФСБ, как правило не доступны для историков. Важно отметить, что к „Особому архиву“ относится также и Архив немецких военнопленных, насчитывающий около 2,3 миллионов дел, включающих личные документы, солдатские книжки, письма, семейные фотографии многих солдат и офицеров германской армии, которые были в советском плену. РГВА содержит 30 описей дел Управления войск Наркомата внутренних дел (НКВД) по охране тыла Красной Армии в 1941-1945 гг. и конвойных полков НКВД, занимавшихся охраной и транспортировкой немецких военнопленных в тыловые лагеря в 1941-1952 гг.

Важную группу источников составляют документы Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий (председателем Комиссии был многие годы недавно умерший академик РАН А.Н.Яковлев). Эта Комиссия, занимающаяся также исследованием феномена массовых преследований в СССР, обнаружила хранящиеся в основном в недоступных для историков архивах 1500 чрезвычайно интересных документов о преследовании в Советском Союзе в 1941- 1956 гг. советских граждан, которые пережили немецкий плен. Эти источники до сих пор не изучены и в своем большинстве не опубликованы.⁹

Проблема истории немецких военнопленных уже давно находится в Германии в центре историко-политических дискуссий. В 1957 г. в ФРГ была создана научная комиссия по изучению истории немецких военнопленных под руководством E. Maschke, выпустившая в свет начиная с 1959 г. 15 томов „К истории немецких военнопленных во второй мировой войне“, из которых 7 томов посвящены истории немецких военнопленных в СССР.¹⁰

О пребывании в советском плену вспоминают многие бывшие германские солдаты и офицеры. Мемуары O. Rühle, M. Emendörfer, W. von Seydlitz, H.G. Konsalik, W. Eildermann, H. Graf von Einsiedel и других современников и участни-

---

⁹ Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. // Новая и новейшая история, 1996, №2, с.112.

¹⁰ Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Hrsg. v. E.Maschke. München-Bielefeld, 1965 ff. (zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR: Bd.II-VIII).

ков событий являются важными историческими источниками по исследуемой проблеме.¹¹

В 80-е – 90-е гг. в ФРГ опубликованы новые исследования М. Lang, А. Streim, К.-Н. Frieser, А. Lehmann, Ch. Streit, S. Karner, в которых сделан прогресс в научном исследовании проблемы истории немецких военнопленных в СССР и советских военнопленных в Германии.¹²

В СССР тема плена, как советских граждан в „Третьем рейхе“, так и немецких солдат и офицеров в Советском Союзе, была запрещена. В то время, как советские историки по праву осуждали нацистских преступников за их отношение к советским военнопленным, они даже не могли упомянуть, что во время войны преступления против человечности были по обе стороны фронта. Единственный российский свидетель тех событий, который писал не только о преступлениях нацистов, но и о жестокостях советских военных в отношении мирного немецкого населения, был лишенный советского гражданства и живший в ФРГ патриарх российской германистики Л.З.Копелев.¹³

В то время как советские историки упрекали своих западных коллег в недостатке объективности, сами они были недостаточно объективны.¹⁴

Единственным написанным в Советском Союзе, однако опубликованным в ФРГ исследованием истории немецких военнопленных в СССР была монография А.С.Бланка, также содержащая пропагандистские стереотипы, свойственные советской историографии.¹⁵ Только лишь во времена „Перестройки“ появлялась возможность опубликовать основные тезисы этой книги в Москве на русском языке.¹⁶

---

¹¹ Rühle O. Genesung in Jelabuga. Autobiographischer Bericht. Berlin, 1961; Emendörfer M. Rückkehr an die Front. Erlebnisse eines deutschen Antifaschisten. Berlin, 1972; v. Seydlitz W. Stalingrad - Konflikt und Konsequenz. Oldenburg, 1977; Konsalik H.G. Der Arzt von Stalingrad. München, 1981; Eildermann W. Die Antifaschule. Erinnerungen an eine Frontschule der Roten Armee. Berlin, 1985; Graf v. Einsiedel H. Tagebuch der Versuchung 1942-1950. Frankfurt /M – Berlin – Wien, 1985.

¹² Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950. Herford, 1981; Streim A. Op.cit.; Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das „Nationalkomitee Freies Deutschland“. Mainz, 1981; Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München, 1986; Streit Ch. Keine Kameraden; Karner S. Im Archipel GUP VI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1945-1956. Wien – München, 1995.

¹³ Kopelew L. Tröste meine Trauer. Hamburg, 1981; Копелев Л. Хранить вечно. Москва, 1990.

¹⁴ Ржешевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР//Военно-исторический журнал, Москва, 1978, №10, с.77-78.

¹⁵ Blank A. Die Deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln, 1979.

¹⁶ Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. Москва, 1990.

Статистика как олицетворение лжи

Чтобы исследовать историю военнопленных во всем разнообразии проблем: материальных, юридических, политических, военных, идеологических, моральных, психологических, медицинских и т.д., следует прежде всего ответить на вопрос о количестве немецких военнопленных в СССР в 1941-1959 гг. и советских узников войны в „Третьем рейхе“ в 1941-1945 гг.

По немецким источникам, в СССР были в плену примерно 3,15 миллионов немцев, из которых примерно 1,1-1,3 миллиона не пережили плена.¹⁷

По официальным статистическим данным Управления по делам военнопленных и интернированных Министерства внутренних дел СССР от 12 октября 1959 г., советскими подразделениями с 22 июня 1941г. по июль 1945 г. были взяты в плен всего 2.389.560 германских военнослужащих, из них 376 генералов, 69.469 офицеров, 2.319.715 унтер-офицеров и солдат.¹⁸ Из 2.389.560 немецких военнопленных умерли 356.678 в плену, 2.032.873 вернулись на родину,¹⁹ участь 9 человек неизвестна.

Эти данные интересно сопоставить с количеством советских военнопленных в „Третьем рейхе“. В речи в подмосковном Красногорске в 1993г. бывший немецкий военнопленный и вице-президент „Национального комитета „Свободная Германия“, депутат бундестага Н.Graf von Einsiedel подчеркнул:

«Советские военнослужащие, взятые в плен немцами, стали первой жертвой запланированного уничтожения большей части «славянских недочеловеков». Миллионы военнопленных умерли в первые 6-8 месяцев войны. Даже газовая смерть евреев была первоначально испробована на советских пленных. ... В одном только Сталинградском котле находилось по донесениям 6 армии от середины ноября 1942 по меньшей мере 50 тыс. так называемых «добровольных помощников» и насильно рекрутированных советских пленных, на судьбу которых историки вообще до сих пор не обратили внимания, ни в Германии, ни в Советском Союзе».²⁰

¹⁷ Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweites Weltkrieges, Bd.VII, S. 151.

¹⁸ Центральный Государственный Архив Российской Федерации (Москва), ф.1 п, оп. 30 е, д. 1, л. 1-2 ; Siehe auch: НКСГ – 50 лет. Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва-Красногорск, 7-9 сентября 1993г. Красногорск, 1994, с. 101.

¹⁹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 30е, д.1, л.2. См. также: Галицкий В. Цифры, которых мы не знали // Новое время, Москва, 1990, N 24, с. 39; Конасов В., Терещук А. Долгий путь на Родину // Новый часовой, С.-Петербург, 1994, № 2, с. 53.

²⁰ Graf v. Einsiedel H. Das Nationalkomitee – 50 Jahre danach. In: „НКСГ – 50 лет“, S. 8-9. О том, что в Сталинградском кольце оказались не только немецкие солдаты, пишет сотрудник Военно-исторического научно-исследовательского института ФРГ Рюдигер Оверманс. Он отмечает, что среди конгломерата национальностей наряду с немногими итальянцами и гражданскими

По немецким источникам, из 5,75 миллионов советских военнопленных 1941-1945 гг. умерли от голода, болезней и нацистских экзекуций примерно 3,3 миллиона человек.²¹

Официальные российские источники определяют число прошедших через немецкий плен советских солдат, офицеров и генералов как 4,059 миллиона.²² Однако официальные данные не во всем достоверны.²³ К ним следует относиться критически. Покажем это на примере официальных советских данных о количестве немецких военнопленных в СССР, составленных на основе цифр Управления (в дальнейшем – Главного Управления) по делам военнопленных и интернированных МВД СССР – ГУПВИ. Сотрудники ГУПВИ вели персональный учет только тех людей, которые доставлялись в тыловые лагеря. Однако в армейских приемных пунктах и во фронтовых лагерях регистрация пленных была поставлена из рук вон плохо: персональной статистики не было вообще.

Немецкие солдаты, захваченные и расстрелянные на передовой линии фронта объятами ненавистью к врагу красноармейцами, пленные, которые умирали во время долгих маршей и транспортировки в тыл, как правило не вносились в списки потерь. В архивах находятся документы, которые показывают происходившую на уровне правительства манипуляцию с данными о количестве военнопленных. Глава правительства и министр иностранных дел СССР В.М.Молотов в письме И.В.Сталину от 12 марта 1947 г. писал, что „всего немецких военнопленных солдат, офицеров и генералов находится в Советском Союзе 988.500 человек. Освобождено из плена к настоящему времени 785.975 человек. Мы считаем возможным огласить цифру немцев-военнопленных, находящихся в Советском Союзе, с сокращением примерно на 10 % , учитывая их повышенную смертность“.²⁴

В заявлении советского телеграфного агентства ТАСС от 15-го марта 1947 г. говорилось, что „на территории Советского Союза остается в настоящее время 890.532 военнопленных немцев; со времени капитуляции Германии освобождено из плена и возвращено из СССР в Германию 1.003.974 немецких военноплен-

---

рабочими „Организации Тодта“ из Западной Европы в котле были хорваты и румыны, а также – наиболее многочисленная группа – советские граждане, ставшие пособниками вермахта, и советские военнопленные, захваченные 6-ой. армией. Об обращении советских властей с этими группами имеются противоречивые свидетельские показания.- Оверманс Р. Другой лик войны: жизнь и гибель 6-й армии // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М., 1994, с.453.

²¹ Hillgruber A. Hitlers Strategic, Politik und Kriegsführung. Frankfurt/M, 1965, S.577; Streim A. Op.cit.; Streit Ch. Op.cit.

²² Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Москва, 1993,с. 338.

²³ „Пересмотрены приговоры в отношении иностранцев“ // Источник, Москва, 1994, № 4 с. 108-112; Коначов В. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории, Москва, 1994, № 11, с. 187-189.

²⁴ Архив внешней политики России (Москва), ф.0431,оп,4, п.5, д.21, л.5.

ных.²⁵ В ноябре 1948 г. руководство ГУПВИ предложило заместителю министра внутренних дел СССР Серову „списать с общего оперативно-статистического учета 100.025 освобожденных немецких военнопленных, якобы взятых на учет дважды. 30 ноября 1948 Серов наложил на этот документ свою резолюцию: „Надо было это раньше сделать, а не тогда, когда полагается отчитываться. Ведь пайки-то получали на всех.“²⁶

Делалась попытка скрыть манипуляции с числами. В заявлении ТАСС от 5 мая 1950 г. разъяснялось, что к тому времени в Германию, с учетом 58.103 немцев, выявленных среди военнопленных других национальностей, репатрировано в общей сложности 1.939.063 человека. 13.546 остается в СССР на положении военных преступников, подозреваемых и больных.²⁷

При сравнении этого заявления ТАСС с заявлением ТАСС от 15 марта 1947 г. кажется, что все правильно, так как цифры сходятся. Число репатрированных немецких пленных и интернированных: $1.003.974 + 890.532 + 58.103 - 13.546 = 1.939.063$. Но в высшей степени невероятно, что с 15 марта 1947 г. по 5 мая 1950 г. не умер ни один военнопленный. Как свидетельствуют архивные источники, в заявлении ТАСС от 5 мая 1950 г. количество оставшихся в советском плену немцев, включая интернированных и гражданских лиц, указано примерно на 9.000 человек меньше, чем это было в действительности.²⁸

Репатриация примерно 200.000 немцев не была правильно документирована советской стороной.²⁹

Наш краткий обзор свидетельствует, что статистика истории немецких военнопленных в СССР и советских военнопленных в Германии в значительной мере не изучена, а известные историкам данные вызывают больше вопросов, чем дают ответов.

Правовой статус военнопленных

Правовой статус военнопленных определялся Гаагской конвенцией 1907 г. „О законах и обычаях сухопутной войны“ и Женевскими конвенциями 1929 г. „Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях“ и „Об обращении с военнопленными“.³⁰ Однако реальность плена во второй мировой войне была

---

²⁵ Правда, 15.03.1947.

²⁶ Центр хранения историко-документальных коллекций- ЦХИДК (Москва), ф. 1/п, оп.1е, д.46, л. 155.

²⁷ Правда, 05.05.1950.

²⁸ ЦХИДК, ф. 1/п, оп.24е, д.7, л. 10-11.

²⁹ Вопросы истории, Москва, 1994, №11, с. 189.

³⁰ Гаагская конвенция, касающаяся законов и обычаев сухопутной войны (5-18 октября 1907 г.) – Архив внешней политики Российской империи Москва) ф.161, оп.28. д. 69 2: Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Москва, 1932.

далека от международно-правовых гарантий. Наиболее тяжкие преступления нацистская Германия, в 1934 г. формально присоединившаяся к Женевским соглашениям, совершила в 1941-1945 гг. в отношении советских военнопленных. Однако СССР, присоединившись в 1931 г. к конвенции „Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях“, отказался подписать Гаагскую конвенцию и Женевскую конвенцию о военнопленных. Тем самым Сталин еще до начала советско-германской войны предал своих солдат, позволив Гитлеру, как свидетельствовал на Нюрнбергском процессе начальник штаба ОКХ генерал-полковник Ф.Гальдер, еще до нападения на СССР заявлять, что „так как русские не признают Гаагской конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гаагской конвенции“.³¹ Впрочем было бы наивно полагать, что в случае подписания Советским Союзом названных международно-правовых документов Гитлер отказался бы от войны за завоевание „жизненного пространства на Востоке“ и уничтожение „неполноценных рас“ и вел бы „войну по правилам“.

Отметим, что 1 июля 1941 г. правительство СССР утвердило „Положение о военнопленных“,³² тем самым в одностороннем порядке взяв на себя обязательства соблюдать Женевскую конвенцию „Об обращении с военнопленными“. Военнопленным гарантировалось соответствующее их статусу обращение, предоставление медицинской помощи на равных с советскими военнослужащими основаниях, возможность переписки с родственниками и получения посылок. Однако в „Положении о военнопленных“ имелись и некоторые расхождения с Женевской конвенцией: не запрещалось использовать военнопленных на работах с вредными для здоровья условиями труда, не оговаривалось предоставление защиты военнопленным, обвиняемым в совершении преступлений, смертный приговор осужденному мог быть приведен в исполнение без уведомления об этом правительства страны, гражданином которой он является, и без сообщения Международному Красному Кресту (МКК). Может быть, по этой причине Женевская конвенция „Об обращении с военнопленными“ никогда не публиковалась в СССР.³³ Однако Москва, используя „Положение о военнопленных“ для направленной на германскую армию пропаганды, не спешила выполнять его. СССР отказался через МКК обмениваться списками военнопленных, не допустил представителей этой организации в советские лагеря для военнопленных. „Положение о военнопленных“ ни коим образом не защищало „своих“ пленных. Статья 193 Уголовно-

---

³¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов, т. 3, М., 1958, с. 19-20

³² Текст утвержденного постановлением Совета народных комиссаров СССР № 1798-800 от 1 июля 1941 г. „Положения о военнопленных“ см.: Военно-исторический журнал, 1991, №10, с. 50-53.

³³ Текст Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными» в переводе на русский язык см.: ЦХИДК, ф.1/п, оп.21а, д.47, л.28, 39-40.

го Кодекса РСФСР 1926 г. предусматривала „за сдачу в плен, не вызывавшуюся боевой обстановкой“ расстрел с конфискацией имущества.³⁴ В Уставе внутренней службы РККА отмечалось, что советский боец против своей воли не может быть взят в плен, а факт попадания в плен в соответствии со статьей 22 „Положения о воинских преступлениях“ 1927 г.) приравнивался к измене Родине.³⁵ Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 г. №270, согласно которому советские воины, оказавшиеся в руках врага, объявлялись злостными дезертирами, семьи красноармейцев лишались государственного пособия, а семьям командиров и политработников грозил арест,³⁶ вступал в вопиющее противоречие не только с нормами международного права, но и с известным обращением Сталина к народу как к „братьям и сестрам“.

Сталин, после того, как летом 1941 г. в котлах под Минском и Смоленском попали в немецкий плен более 600 тыс. красноармейцев, был убежден в том, что „в Красной Армии нет военнопленных, есть только предатели и изменники Родины“.³⁷ Эти слова своего отца знал и попавший в плен сын Сталина лейтенант Яков Джугашвили, которого Сталин отказался обменять на пленного генерал-фельдмаршала Ф.Паулюса: „Мы маршала на лейтенанта не меняем!“

Таким образом, Сталин бросил на произвол судьбы как своего сына, так и всех попавших в плен советских солдат. Все попытки МКК оказать им соответствующую международному праву гуманитарную помощь были напрасны. В декабре 1943 г. СССР разорвал все контакты с МКК.³⁸

Архипелаг ГУПВИ

Если аббревиатура ГУЛАГ благодаря А.И.Солженицыну известна всему миру, то об „Архипелаге ГУПВИ“ – лагерях Управления (в дальнейшем – Главного Управления) по делам военнопленных и интернированных НКВД-НКГБ-МГБ-МВД СССР известно немного.³⁹ Монография С.Карнера „В Архипелаге ГУПВИ“

³⁴ Уголовный Кодекс РСФСР редакции 1926 г. М.,1957, с. 86.

³⁵ Streit Ch. Zum Schicksal der sowjetischen Kriegsgefangenen in deutscher Hand. In: Deutsch-russische Zeitenwende. Krieg und Frieden 1941-1995, S.447-448.

³⁶ Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 г. №270 см.:

Военно-исторический журнал, 1988, №9, с.28.

³⁷ Справка комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история, 1996, №2, с. 92; Perelatov V. Aus deutscher Gefangenschaft in den sowjetischen GULAG // S.Kamer (Hg.). „Gefangen in Rußland“. Graz – Wien,1995, S.280.

³⁸ См. об этом: Конасов В.Б., Терещук А.В. Международно-правовое положение немецких военнопленных в СССР . – Новая и новейшая история, 1996, № 5.

³⁹ См. об этом: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1996; Chavkin B. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion // Europäische Sicherheit. Hamburg – Bonn, 1995, Н. 11.

– первое опубликованное на западе фундаментальное исследование этой темы.⁴⁰ Система лагерей, созданная Л.Берией для содержания и в дальнейшем уничтожения многих польских пленных и интернированных во время германо-советской кампании против Польши осенью 1939 г.,⁴¹ во время которой „скреплялась кровью“ поляков „дружба“ Гитлера и Сталина, просуществовала с 19 сентября 1939 г. по 20 апреля 1953г.⁴² Острова архипелага ГУПВИ находились на всей территории СССР, а в 1944 – 1953 гг. и за ее пределами; их насчитывалось около 5.000 – приемные и сборные пункты военнопленных, фронтовые приемно-пропускные лагеря, рабочие и особые рабочие батальоны, сборные и пересыльные лагеря, особые объекты, специальные лагеря и госпитали. Населяли архипелаг ГУПВИ от 4 до 6 млн. человек, граждан более 30 государств, из которых немцы – около 2-2,6 млн.⁴³ По советским официальным данным, из плененных с 22 июня 1941 г. по июль 1945 г. советскими войсками 2,3 млн. германских военнослужащих офицеры, генералы и адмиралы составляли 2,9 %.⁴⁴

„Оперативно-чекистский“ отдел ГУПВИ, возглавляемый бывшим резидентом разведки НКВД в Берлине генерал-майором А.З.Кобуловым, активно используя самих пленных, создал в лагерях систему слежки и доносов. „Чекисты“ выявляли среди пленных: военных преступников, шпионов, коллаборационистов, готовивших побег, носителей военно-политических и экономических секретов, саботажников, сотрудников СД, гестапо, членов СС, „активных фашистов“, носителей ценной информации, а также „лиц, представляющих оперативный интерес“.

Кроме „оперативных“, ГУПВИ выполняло следующие задачи: прием военнопленных и интернированных во фронтовых лагерях, регистрация и отправка в тыловые лагеря, снабжение по установленным НКВД нормам, организация оказания медицинской помощи раненым и больным, привлечение пленных к труду,⁴⁵ вовлечение пленных в политическую антифашистскую работу (совместно с зани-

---

⁴⁰ Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1945-1956.

⁴¹ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М.,1997.

⁴² Tarassov V. Die russischen Archive und ihre Bestände zum Thema „Kriegsgefangenschaft“ // „Gefangen in Rußland“, S.290.

⁴³ Karner S. Verlorene Jahre. Deutsche Kriegsgefangene und Internierte im Archipel GUPWL - Kriegsgefangene-военнопленные. Düsseldorf, 1995, S.59-65; „Gefangen in Rußland“, S 14, 15, 16; Галицкий В.П.Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства СССР //Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Москва, 1997, с.63.

⁴⁴ ЦХИДК, ф. 1/п, оп.30е, д.1, л.2. См. также: Галицкий В.П. Участие немецких военнопленных офицеров в антифашистском движении в плену в СССР // НКСГ – 50 лет. Красногорск, 1994, с. 101.

⁴⁵ С 1941 по 1956 гг. немецкие военнопленные выработали по меньшей мере 2 млрд. человеко-дней, из которых 1,4 млрд. – на Востоке. См.: Ratz W. Anzahl und Arbeitsleistungen der deutschen Kriegsgefangenen. In: Maschke. Die deutschen Kriegsgefangenen... В.П. Галицкий приводит иные данные : с 1943 по 1950 гг. военнопленными всех национальностей выработано 1,077 млрд. человеко-дней. См. : Галицкий В.П.Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма, с.69.

мавшимся разложением войск противника 7-м отделом Главного Политуправления Красной Армии, ЦК ВКП(б) и Коминтерном), подготовка и осуществление репатриации пленных.

Германские генералы в советском плену

Наряду с солдатами, унтер-офицерами и офицерами вермахта в советском плену были и высшие чины, представители военной элиты рейха – германские генералы и адмиралы.

Источники ГУПВИ, содержащие информацию по истории генеральского плена, можно подразделить на три группы:

- 1) учетные дела военнопленных генералов, содержащие их личные данные [Buchführungsakte];
- 2) формуляры лагерей, содержащие сведения о лагерях, в которых содержались пленные генералы. Эти сведения содержат информацию по истории лагеря, лагерном контингенте, охране, снабжении, медицинском обслуживании, другие внутренние данные;
- 3) документы „оперативно-чекистского“ отдела ГУПВИ, содержащие сведения, отражающие специфику этого отдела, в частности материалы об антифашистской работе среди военнопленных.

Первые пленные генералы попали в ГУПВИ зимой 1942-1943 гг. Это были 32 пленника Сталинграда во главе с командующим 6-й армией генерал-фельдмаршалом Фридрихом Паулюсом. В 1944 г. были пленены еще 44 генерала. Особенно удачным был для Красной Армии 1945 г., когда 300 германских генералов были захвачены в плен.

По сведениям, содержащимся в справке начальника тюремного отдела МВД полковника П.С.Буланова от 28 сентября 1956 г., всего в советском плену было 376 германских генералов, из которых 277 были освобождены из плена и репатрированы на родину, 99 умерли.⁴⁶ К числу умерших официальная статистика ГУПВИ отнесла и тех 18 генералов, которые были приговорены по Указу от 19 апреля 1943 г. к смертной казни и повешены как военные преступники.⁴⁷

В число пленных генералов и адмиралов вошли высшие чины сухопутных войск, люфтваффе, военно-морского флота, СС, полиции, а также государственные чиновники, получившие генеральский чин за заслуги перед рейхом. Среди пленных генералов больше всего было представителей сухопутных войск, а так-

⁴⁶ См. Конасов В.Б. Указ. соч, с.257; Галицкий В.П. Указ.соч, с. 101.

⁴⁷ Немецкий перевод текста Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. “О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев“ см.: Karner S. Im Archipel GUP VI, S. 172.

же, как ни странно, отставников. На 22 ноября 1948 г. пленных генералов и адмиралов в отставке, как правило арестованных органами военной контрразведки СМЕРШ („смерть шпионам“) после 9 мая 1945 г. во время „чистки“ тыла, было 40 человек. Это были, как писал министр внутренних дел СССР С.Н.Круглов, „дряхлые и больные старики“, требующие „постоянного медицинского ухода и особой заботы в быту“.⁴⁸

Пленные немецкие генералы были в большинстве своем размещены: в отделении №12 Лежнёво-Войково (лагеря №324 Ивановской области), лагерях №27 в подмосковном Красногорске, №48 в Ивановской области, №74 в г. Оранки Горьковской области, №97 в Елабуге, №160 в Спасо-Евфимьевом монастыре в Суздале, № 437 в Вологодской области, а также на „особых объектах“ – охраняемых и огороженных высокими заборами особняках и дачах НКВД-НКГБ-МВД, расположенных в подмосковных поселках: №4 Новогорск, №15 - в Лунёво, №20 - в Планёрное, №25 Ильинское, №25 - в Дуброво, №35- в Озеры и других.

Для примера несколько подробнее расскажем о крупнейшем из них – лагере № 48, основанном в июне 1943 г. в бывшем доме отдыха ЦК профсоюза железнодорожников в поселке Чернцы Лежнёвского района Ивановской области. В январе 1947 г. этом лагере находилось 223 пленных генерала, из них 175 немцев, 35 венгров, 8 австрийцев, 3 румын, 2 итальянца.⁴⁹ Лагерь состоял из двух зон: первая – для генералов и вторая – для унтер-офицеров и солдат, обслуживавших лагерь и занимавшихся хозяйственными работами. В генеральской зоне было 38 комнат. В каждой комнате в зависимости от ее размеров размещались от 3 до 12 человек. Лагерь был расположен в парке, в котором росли липы, были пешеходные дорожки, летом на клумбах цвели цветы. В зоне также был огород, занимавший около 1 га земли, в котором по желанию работали генералы и овощи с которого шли на их стол в дополнение к существовавшим нормам питания. Таким образом питание генералов было улучшено. Больным был положен дополнительный паек, включавший мясо, молоко и масло. Однако в лагере бывали и голодовки, участники которых протестовали против плохого обслуживания в столовой, недовыдаче продуктов, положенных по норме, отключения света и т.д. Попыток к бегству среди генералов не было.

---

⁴⁸ Письмо Н.С.Круглова Л.П.Берии от 22 ноября 1948 г. – ГАРФ, ф.Р.-9401, оп.2, д.204, л.363-405.

⁴⁹ Список военнопленных, содержащихся в лагере МВД №48 по состоянию на 1 января 1947 г. – ЦХИДК, ф.1/п, оп.16е, д.48, л.19-23.

Антифашистское движение среди генералов. Генерал-фельдмаршал Паулюс и генерал артиллерии Зайдлиц

12-13 июня 1943 г. в лагере № 27 в Красногорске был создан немецкий антифашистский „Национальный комитет „Свободная Германия“, (НКСГ),⁵⁰ в состав которого вошли 38 человек: 13 политэмигрантов, 13 военнопленных солдат и 12 военнопленных офицеров чином не выше майора. Отсутствие в НКСГ старших офицеров и генералов вермахта вызывали у большинства военнопленных сомнения в авторитетности и значимости этой организации, призванной по замыслу „Научно-исследовательского института № 99“, (так в целях конспирации именовалась комиссия Исполкома Коминтерна, а после его роспуска – ЦК ВКП(б) по работе с военнопленными) заниматься разложением армий воюющих против СССР государств.

В „Институте № 99“ и в ведомстве Берии было решено создать антифашистскую организацию генералов и старших офицеров – Союз немецких офицеров (СНО). В августе 1943 г. наркомом внутренних дел и госбезопасности была одобрена предложенная заместителем начальника ГУПВИ комиссаром госбезо-

---

⁵⁰ В российских архивах не обнаружено документов, отвечающих на вопрос: кем, когда и как с советской стороны было принято решение о создании НКСГ? Согласно гипотезе А. С.Бланка, команду об организации комитета, в котором усматривался прообраз будущего антигитлеровского правительства Германии, мог дать только один человек в СССР – Сталин. Эта гипотеза основана на устных воспоминаниях бывшего сотрудника аппарата ЦК ВКП(б) И.Г.Кабина, который в годы войны ведал германскими проблемами. Кабин рассказал Бланку о том, что в июне 1943 г. он, находясь в кабинете секретаря ЦК ВКП(б) начальника Главного политического управления Красной Армии А.С.Щербакова, был свидетелем телефонного разговора Щербакова со Сталиным. Сталин сказал: «Товарищ Щербаков, немцам пора создать свой антифашистский комитет на широкой основе. Уже пора. Дайте указания и предоставьте необходимые средства для этого». Но ни в одном документе устное распоряжение Сталина зафиксировано не было. (Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса, с. 161). Интересно отметить, что в немецкую историографию эта гипотеза попала в пересказе Г. графа фон Айнзиделя, который ссылаясь на исследования Н.Мüller-Enbergs (Müller-Enbergs Н. Ein Aspekt zur Vorgeschichte des NKFD. In: „НКСГ – 50 лет“, S. 64-72) развил ее: „In Ausführung dieser Anordnung (von Stalin – В.Сh.) bestellte Manuilski (Sekretär des IKKI- В.Сh.) zwei deutsche Kommunisten, Alfred Kurella und Rudolf Hermstadt, die...für die politische Hauptverwaltung der Roten Armee arbeiteten, zu sich und verlangte von ihnen innerhalb weniger Stunden ein Manifest... zu entwerfen ... Manuilski erklärte den beiden: Wenn wir gut arbeiten treffen wir mit einem Schuß fünfmal ins Schwarze: 1.Hitler wird durch seine Truppen gestürzt. 2.der Roten Armee werden Ströme von Blut erspart. 3.Deutschland kommt zu einer echten fortschrittlichen Repräsentation. 4. die deutsche Arbeiterklasse spielt wieder die ihr gebührende Rolle und 5. allen Beneschs wird das Handwerk gelegt.“(Graf v. Einsiedel Н. Das Nationalkomitee – 50 Jahre danach. In: „НКСГ – 50 лет“, S. 11-12). Отметим, что российский историк А.А.Крупенников, пересказывая эту гипотезу без упоминания имен Кабина и Бланка и ссылаясь не на российский источник, а на немецкую литературу (Graf v. Einsiedel Н. Nach fünfzig Jahren. In : Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Hrsg. von G.Ueberschar und W.Wette, Frankfurt a.M.1992, S. 263-264) , пишет о версии Бланка как о „достоверном свидетельстве очевидца“. – Крупенников А. А. Политическая обстановка как мотивация патриотической борьбы НКСГ и СНО против Гитлера // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. Красногорск, 1996, с.97.

пасности Н.Д.Мельниковым кандидатура президента СНО – бывшего командира 51-го армейского корпуса 6-й армии генерала артиллерии Вальтера фон Зайдлица. Хотя Зайдлиц и занимал высокое положение в вермахте, фигура генерал-фельдмаршала Паулюса на посту главы СНО была бы для советской стороны предпочтительнее. Но Паулюс возражал как против создания этой организации, так и против своего участия в ней.

О желании вступить в СНО заявили бывшие командиры: 389-й пехотной дивизии генерал-майор Мартин Латтманн, 295-й пехотной дивизии генерал-майор д-р Отто Корфес, 376-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Александр фон Даниэльс.

Однако 17 генералов во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, а также 1-й адъютант Паулюса полковник Адам 1 сентября 1943 г. в заявлении советскому правительству осудили своих коллег:

„Военнопленные германские офицеры, среди которых генерал артиллерии фон Зайдлиц, генерал-майор Латтманн и генерал-майор Корфес, выразили свою готовность создать ‚Союз германских офицеров‘, чтобы действовать для заключения мира между Германией и Россией [...] Они хотят выступить с воззванием к германскому народу и к германской армии, требуя смещения немецкого руководства и гитлеровского правительства, так как только отстранение руководства делает возможным заключение такого мира [...] Мы резко осуждаем путь борьбы, который избрал ‚Союз немецких офицеров‘. Военнопленный не может знать действительного положения в своей стране [...], военнопленный, призывающий народ и армию против их вождя, вносит разложение в их ряды и ослабляет свой народ в самое тяжелое для него время. То, что делают офицеры и генералы, принадлежащие к ‚Союзу‘, является государственной изменой. Мы глубоко сожалеем, что они пошли по этому пути. Мы их больше не считаем своими товарищами, и мы решительно отказываемся от них“.⁵¹

Зачинщик заявления 17-и, Паулюс, у которого были трения с Зайдлицем еще со времен Сталинградского котла, был по настоянию Зайдлица удален из лагеря №48 и помещен на специальный объект – дачу Дуброво под Москвой, где подвергался усиленной психологической обработке.⁵² Как вспоминал фельдмаршал, „преследовалась цель вовлечь меня, и тем самым остальных генералов, в движение ‚Свободная Германия“, чтобы таким единством добиться более сильного воздействия на вооруженные силы и народ. После многочисленных бесед (с генералами И.А.Петровым и Н.Д.Мельниковым, майором В.С.Штерном, профессо-

⁵¹ Заявление подписали: генерал-фельдмаршал Паулюс, генерал-полковник Хейц, генерал пехоты Штреккер, генерал-лейтенант Сикст фон Армии, генерал-лейтенант Шлеммер, генерал-майор Фассоль, генерал-лейтенант Дебуа, генерал-майор Вульц, генерал-майор Лейзер, генерал-майор Роске, генерал артиллерии Пфедфер, генерал-лейтенант Занне, генерал-лейтенант Роденбург, генерал-майор Магнус, генерал-штабс-врач Ренольди, генерал-майор фон Ленски, генерал-майор фон Дреббер, полковник Адам. – „Союз немецких офицеров“. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник, № 0, 1993, с.88-89.

⁵² Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса, с. 167.

ром Арнольдом [А.Я.Гуральским]⁵³ и другими советскими спецпропагандистами – Б.Х.), явившихся для меня основательным испытанием, я лично все же не мог отступить от моей точки зрения. Но я обещал, что постараюсь убедить генералов, находившихся в Войкове, отказаться от упомянутого выше письменного порочающего заявления относительно действий генералов фон Зайдлица, Корфеса и Латтманна. Для этой цели я поехал обратно. Однако мое предложение взять безоговорочно обратно вышеупомянутое письменное заявление встретило одобрение лишь части генералов. Чтобы добиться единодушного отказа от него всех, я согласился на такую формулировку (принятую всеми), которая хотя и снимала первоначальное единодушное осуждение действий генералов Зайдлица, Корфеса и Латтманна, но не определяла при этом отношения каждого из них к движению „Свободная Германия“. Одновременно [...] я на основании письменного заявления, без своей оценки, чисто по существу, сообщил генералам мотивы, побудившие Зайдлица, Корфеса и Латтманна к такому шагу. Кроме того, я объявил, что впредь не должно быть каких-либо коллективных действий против движения „Свободная Германия“ и что никто не имеет права в своих решениях ссылаться на мою позицию“.⁵⁴

Таким образом Паулюс был нейтрализован, и 11-12 сентября 1943 г. в Лунёво был учрежден СНО во главе с Зайдлицем. О создании СНО объявила газета НКСТ „Freies Deutschland“,⁵⁵ были опубликованы документы СНО,⁵⁶ а на имя Берии направлен секретный рапорт:

„Все предусмотренное программой проведено полностью и в соответствии с мероприятиями, разработанными нами ранее [...] В состав комитета избрано 19 человек, заранее подобранных нами [...] Все делегаты подписали документы: ‚Союз немецких офицеров: задачи и цели‘ и ‚Обращение к немецким генералам и офицерам, к народу и армии [...] Круглов, Петров, Мельников“.⁵⁷

Работа с пленными генералами, прежде всего с Паулюсом, продолжалась. В спецсообщении „О работе с военнопленным фельдмаршалом Паулюсом“, подписанным Мельниковым 27 сентября 1943 г., говорилось, что

„Паулюс еще не может принять окончательного решения [...] и высказал Латтманну и фон Даниэльсу сомнение в отношении того, нужно ли сейчас идти по пути разложения

⁵³ Подробнее о А.Я.Гуральском см.: Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ.соч., с. 115-117; Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. М.,1994, с. 108.

⁵⁴ Там же, с. 167-168. См. также: Военно-исторический журнал, 1960, №3,с.95-97.

⁵⁵ Freies Deutschland. № 10, 18.09.1943.

⁵⁶ Die Gründung des Bundes deutscher Offiziere. Protokoll der Gründungstagung. 12-13. September 1943; см. также: За Германию – против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета „Свободная Германия“ и Союза немецких офицеров. М.,1993

⁵⁷ „Союз немецких офицеров“. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник, № 0, 1993, с.89-90.

действующей германской армии [...] После этих разговоров с Паулюсом генерал Латтманн заявил нашему оперативному работнику [В.С.Штерну – Б.Х.], что он намерен вопрос об участии Паулюса в офицерском союзе поставить перед ним в категорической форме и что, если Паулюс будет продолжать колебаться, прекратить с ним всякие отношения. Генерал фон Даниэльс, не разделяя этих выводов генерала Латтманна, сообщил: „Паулюс все равно к нам придет, но это только вопрос времени. Сейчас он еще надеется на то, что с Германией еще не все потеряно, и поэтому боится сказать свое окончательное слово“⁵⁸.

Однако Паулюс признал цели СНО честными и согласился убедить генералов, подписавших 1 сентября 1943 г. меморандум советскому правительству, отозвать этот документ. 17 октября 1943 г. появилось следующее заявление: „Как нам сообщили, наше коллективное заявление от 1 сентября 1943 г. рассматривается как поступок, направленный против Советского Союза. Т.к. наш поступок ни в коем случае таких намерений не предусматривал, то мы, не изменяя своих взглядов на законы нашей родины, берем свое заявление, сделанное правительству Советского Союза, назад. Лагерь для военнопленных № 48“.⁵⁹ Это заявление подписали все генералы, ранее поставившие свои подписи под заявлением от 1 сентября 1943 г., кроме Шлеммера, за несколько дней до того тайно вступившего в СНО.

Практическая работа СНО, ставшего частью движения „Свободная Германия“ на платформе НКСТ, свелась в основном к пропаганде, которая велась как на фронте, так и в лагерях военнопленных. Однако Паулюс, более публично не осуждая Зайдлица и его единомышленников, участия в работе СНО не принимал. Опасения Гитлера, что в „крысоловке“ (так он называл внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке -Б.Х.) Паулюс непременно заговорит, выступит по радио с порочащим фюрера воззванием, не оправдались.⁶⁰ Может быть потому, что обращение с Паулюсом было по советским понятиям весьма корректным. Да и в „крысоловке“ его не держали. Фельдмаршал находился в хороших условиях в лагерях и специальных объектах НКВД в Красногорске, Суздале, Чернцы, Войково, Лунёво, Дуброво и Томилино, получал сытную пищу и папиросы, квалифицированную медицинскую помощь.⁶¹ Паулюс много читал, вел переписку.⁶²

⁵⁸ Там же, с.92-93. См. также: ЦХИДК, ф.454, оп.2, д.б, л.120-121.

⁵⁹ „Союз немецких офицеров“. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник, 0, 1993, с. 93.

⁶⁰ „Совершенно секретно! Только для командования!“ Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, 462-463.

⁶¹ Пленного фельдмаршала в лагере №48 оперировал в связи с воспалением лучевого нерва предплечья вследствие ранения, полученного в первую мировую войну, ведущий нейрохирург Ивановского медицинского института профессор П.А.Карташов.-Учетное дело военнопленного Паулюса. ЦХИДК, ф.463/п, д. 17, л.8.

⁶² Весной 1943 г. в Суздальском лагере Паулюс, по воспоминаниям работавшего с ним переводчика Александра Бланка, впервые познакомился с трудами К.Маркса и Ф.Энгельса. По его просьбе ему принесли „Капитал“ К.Маркса на немецком и на французском языках. Долгие часы фельдмаршал занимался тем, что переводил Маркса с французского на немецкий, а затем сли-

Благоразумное молчание пленного фельдмаршала было оценено Берлином. Гитлер, который в ночь на 31 января 1943 г. произвел Паулюса в фельдмаршалы в надежде, что Паулюс предпочтет героическую смерть плену, 1 февраля поносил его последними словами „за трусость, отсутствие характера и чести“. Однако 3 февраля 1943 г. Гитлер символически похоронил „павшего смертью храбрых вместе с геройскими солдатами 6-й армии“ фельдмаршала Паулюса, а в мае 1943 г. наградил главного пленника Сталинграда „Дубовой ветвью“ (регистрационный № 187) к ранее врученному „Рыцарскому ордену Железного Креста“.⁶³

Москва, в свою очередь, не оставляла попыток включить Паулюса в антифашистскую работу. „Обработка“ Паулюса проводилась по специальному плану, разработанному Кругловым и утвержденному Берией. Важную роль в привлечении Паулюса к СНО должен был сыграть Зайдлиц. Однако со времени создания СНО прошел почти год и более полутора лет со времени пленения фельдмаршала, прежде чем Паулюс открыто заявил о своем переходе на антигитлеровскую позицию. Решающую роль в этом сыграли успехи Красной Армии на фронтах в 1943-1944 гг., ее приближение к границам Германии, и, конечно же, события в Берлине 20 июля 1944 г.⁶⁴

Реакция пленных генералов на предпринятое их коллегами покушение на Гитлера была противоречивой и нервной. „До чего докатилась наша армия! Покушаться на главнокомандующего – это какие-то балканские методы“, - не сдержал своих эмоций Зайдлиц.⁶⁵ Остро переживал события Паулюс: „Если сведения о выступлении Браухича соответствуют действительности, то положение в Германии чрезвычайно тяжелое, так как Браухич пользуется огромным влиянием. Но этого не может быть. Я хорошо знаю Браухича и не допускаю мысли, чтобы он сделал такой шаг“. В беседе с начальником оперативного отдела лагеря №48, состоявшейся 24 июля 1944 г., фельдмаршал был осторожен. „Мне трудно высказать свое отношение к событиям в Германии, так как я не располагаю достаточ-

---

чал свой перевод с оригиналом и очень радовался, когда ему удавалось добиться совпадения текстов. – Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч., с. 149.

⁶³ Учетное дело военнопленного генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса.- ЦХИДК, ф.463/п, д. 17, л.Зоб; личный фонд генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса № 372 в военном архиве ФРГ (Bundesarchiv/Militärarchiv).

⁶⁴ Как отмечает G.Ueberschär, прямые контакты между НКСГ и СНО с одной стороны и группами Сопротивления вокруг Штауффенберга с другой стороны так и не были установлены. За действиями НКСГ и СНО из круга заговорщиков велось пристальное наблюдение. Более того, существуют доказательства, что один из участников заговора Штауффенберга Trott zu Solz в июле 1944 г. безуспешно пытался установить связи с НКСГ через советского полпреда в Стокгольме Александру Коллонтай. Советские власти сознательно не подпускали к НКСГ и СНО связанного с германским Сопротивлением майора Иохима Куна, перешедшего после событий 20 июля 1944 г. на советскую сторону фронта. – Ueberschär G. Das NKFD und der BDO im Kampf gegen Hitler. In: Das Nationalkomitee „Freies Deutschland“ und der Bund der Deutscher Offiziere. Hrsg. von G.Ueberschär. Frankfurt a.M., 1995, S.42.

⁶⁵ Решин. Л.Е.Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену //НКСГ-50 лет, с. 179.

ной информацией. Если Браухич, фон Бок и Кейтель действительно участвуют в восстании против Гитлера, то им виднее, как там поступать. Я с самого начала принял твердое решение не принимать никакого участия в политической жизни, пока я являюсь военнопленным. Это решение я не намерен пересматривать и в данный момент“, – заявил он. В то же время, как отмечали в отчете на имя Круглова генерал Петров и полковник Швец,

„руководящие генералы офицерского союза фон Зайдлиц, Латтманн и Ленски безгранично рады выступлениям против Гитлера в Германии. Независимо от программных вопросов Браухича, Кейтеля и фон Бока, совместные действия генералов из 'Союза немецких офицеров' возможны и крайне желательны по двум вопросам: а) свержение Гитлера; б) заключение мира [...] Для организованного выступления против Гитлера всех военнопленных немецких генералов, находящихся в СССР, и привлечения к этому фельдмаршала Паулюса генералы из Офицерского Союза считают целесообразным [...] немедленно взять Паулюса на объект 25-в, где начать обработку его вместе с новыми военнопленными генералами, выступившими в печати против Гитлера и готовыми к выступлениям в дальнейшем (Гофмейстер, Мюллер, Фелькерс и др.)“⁶⁶

8 августа 1944 г., в тот день, когда в Берлине по приказу Гитлера был повешен его друг генерал-фельдмаршал фон Витцлебен, Паулюс заявил о своем вступлении в борьбу с Гитлером:

„События последнего времени, – говорил Паулюс по радио 'Freies Deutschland', – сделали для Германии продолжение войны равнозначным бессмысленной жертве. Для Германии война проиграна. В таком положении страна оказалась в результате государственного и военного руководства Адольфа Гитлера [...] Методы обращения с населением в занятых областях со стороны части уполномоченных Гитлера преисполняют отвращением каждого настоящего немца и вызывают во всем мире гневные упреки в наш адрес. Если немецкий народ сам не отречется от этих действий, он будет вынужден нести за них полную ответственность. Германия должна отречься от Адольфа Гитлера и установить новую государственную власть, которая прекратит войну и создаст нашему народу условия для дальнейшей жизни и установления мирных, даже дружественных отношений с нашими теперешними противниками“⁶⁷

В тот же день, 8 августа 1944 г., Берия доложил Сталину об обращении Паулюса „К немецкому народу и военнопленным офицерам и солдатам, находящимся в СССР“ и представил Сталину немецкий подлинник и русский перевод документа.⁶⁸

⁶⁶ „Союз немецких офицеров“. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте// Источник, № 0, 1993, с.101-102.

⁶⁷ Цит. по русскому переводу радиообращения Паулюса, опубликованному в газете *Правда* 15.12.1944г.

⁶⁸ АП РФ, ф.3, оп.58, д.498, л.73.

„Развитие военных событий до лета 1944 г. позволило мне осознать, что Гитлер не намерен сделать вывод из ставшего бесперспективным положения и что поэтому он отвергает немецкий народ в невообразимую катастрофу, – писал впоследствии Паулюс. – К тому же я получил возможность составить более полное представление о систематических зверствах и мероприятиях по истреблению населения оккупированных областей, которые проводились по приказу Гитлера. Мне стало ясно: Гитлер не только не мог выиграть войну, но и не должен ее выиграть, что было бы в интересах человечества и в интересах германского народа. Так я пришел к выводу, что теперь уже важно было [...] поощрять враждебные нацизму силы и разложением фронта добиться прекращения борьбы и тем самым избежать ужасной окончательной катастрофы“.⁶⁹

Выступление Паулюса получило широкий отклик в Германии. В рапорте о важнейших политических событиях начальник Главного управления имперской безопасности (RSHA) Кальтенбруннер немедленно доложил об этом рейхслайтеру Борману. На нацистское руководство заявление Паулюса произвело столь сильное впечатление, что внешнеполитической разведке Шелленберга было поручено произвести идентификацию его подписи под обращением о присоединении к движению „Свободная Германия“, как и подписей других немецких генералов, присоединившихся к этому движению. Экспертиза установила безусловную подлинность подписей.⁷⁰

Семье Паулюса было предложено публично осудить поступок своего мужа и отца, отречься от него и сменить фамилию. Когда они решительно отказались выполнить эти требования, то были подвергнуты „ограничению в правах“: сын фельдмаршала капитан вермахта Александр Паулюс был заточен в крепость Кюстрин, а жена фельдмаршала Елена Констанция Паулюс, урожденная румынская графиня Розетти-Золеску, была заключена в концлагерь Дахау.⁷¹

14 августа 1944 г. фельдмаршал Паулюс вступил в СНО, о чем Берия немедленно доложил Сталину.⁷² На следующий день Паулюс и 29 пленных немецких генералов подписали обращение к генералам и офицерам армейской группы „Норд“, отрезанной в Прибалтике, о чем 21 августа Берия сообщил Сталину и Молотову.⁷³ Для Паулюса началась активная антинацистская работа, о ходе которой был подробно информирован Кремль. Сталин мог быть доволен своим пленником: по инициативе Паулюса 8 января 1945 г. было принято составленное по его проекту обращение 50 пленных генералов к немецкому народу и вермахту. В то время, как советские войска сражались на Висле, а англо-американские – на

⁶⁹ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ.соч., с. 178. См. также: Военно-исторический журнал, 1960, №3,с.94.

⁷⁰ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ.соч., с. 179.

⁷¹ Там же.

⁷² Решин Л.Е. Усилия по привлечению генерал-фельдмаршала Паулюса к работе НКСГ и СНО в зеркале московских документов // Национальный комитет „Свободная Германия“ и Союз немецких офицеров, с.233.

⁷³ ГА РФ, ф.Р-9401, оп.2, д.66, л.241.

Рейне, Паулюс признал, что война проиграна и призвал немецкий народ покончить с Гитлером и войной:

„Наш народ не должен погибнуть! [...] Конечно, наше будущее будет не легким, мы будем работать, восстанавливать, но перед нами снова откроется дорога подъема. Вместо террора, произвола и расовой ненависти восторжествует право, порядок и гуманность. Вместо бесконечных бедствий и ужасов наступит мир. Наше усердие и добрая воля будут с каждым шагом по новому пути приближать нас к тому дню, когда свободный и равноправный немецкий народ займет свое место среди других народов [...] Немцы! Мужественной борьбой восстановите перед всем миром честь немецкого имени и сделайте первый шаг к лучшему будущему!“⁷⁴

Этот документ стал этапом на пути мировоззренческой эволюции подписавших его немецких генералов.⁷⁵ Как справедливо отмечает западногерманский военный историк F. Uhle-Wetter, „большинство генералов, и в их числе Паулюс, решились на сотрудничество с русскими, стремясь к поражению свастики, а не во имя Сталина и коммунистов России“.⁷⁶

Для нового мировоззрения Паулюса, в основном сформировавшегося к этому времени, было характерно то, что он, в отличие от других активистов НКСГ и СНО, ориентировался не столько на историческую традицию барона фон Штайна, во время борьбы против Наполеона возглавившего в России немецкий освободительный комитет, и генерала Йорка фон Вартенбурга, вопреки воле Прусского короля заключившего с Россией конвенцию о сотрудничестве в войне против Наполеона, сколько на пример генералов Гинденбурга и Людендорфа, которые потребовали от кайзера в конце сентября 1918 г. для спасения Германии начать мирные переговоры с Антантой.⁷⁷

Тем не менее следует признать, что эволюция мировоззрения Паулюса произошла не только в результате внутреннего переосмысления и переоценки им национал-социализма и германо-советской войны. На Паулюса оказало существенное влияние давление со стороны руководства ГУПВИ (генералов Петрова и Мельникова), спецпропагандистов Швеца и Штерна. Советским офицерам в работе с Паулюсом активно помогали немецкие военачальники, взятые в плен в июне 1944 г. в результате разгрома группы армий Центр, активисты НКСГ и СНО – генералы Зайдлиц, Сикст фон Армин, Гофмейстер, Винценц Мюллер.

⁷⁴ Цит. по: Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч., с.180-181.

⁷⁵ В то же время, несмотря на призывы 50 генералов приблизить поражение гитлеровской Германии, в сообщении руководства ГУПВИ Сталину и Молотову от 27 января 1945 г. отмечалось подавленное психическое состояние и нервозность пленных немецких генералов в связи с ухудшением военного положения рейха и предстоявшим решением пограничного вопроса с Польшей. – ГАРФ, ф.Р.-9401, оп.1, д.92, л.264-268. Uhle-Wetter F. Höhe- und Wendepunkte deutscher Militärgeschichte. Mainz, 1984, S.342.

⁷⁶ Uhle-Wetter F. Höhe- und Wendepunkte deutscher Militärgeschichte. Mainz, 1984, S.342.

Давление на Паулюса сочеталось с посулами. Как отмечал в докладной записке от 2 августа 1944 г. старший оперуполномоченный Штерн,

„мне сказал Паулюс, что метод непрерывного нажима, применяемый в отношении к нему, вызывает только упрямство и он под таким ежедневным нажимом не может прийти к решению. Предложения, которые ему сделал генерал Петров, для него неприемлемы. Единственный вопрос, над которым он хочет подумать, это вопрос его участия в органах самоуправления на освобожденной территории Германии. Хотя и этот вопрос для него является трудным [...] В результате всего разговора мне было ясно, что Паулюс отходит уже от позиции, занимаемой им в беседе с генералом Петровым и полковником Швец вечером 1.VIII.44 г. Поэтому я счел нужным наступать на него. Я сказал ему, что выступление 17 генералов дает нам право требовать от него определить свою позицию: считает ли он себя маршалом немецкого народа или маршалом Гитлера, ибо как с маршалом Гитлера мы имеем право расправиться с ним политически, т.е. представить его перед миром как врага будущей демократической Германии, который должен делить судьбу гитлеровской клики. В этом случае сами немцы постараются, чтобы его имя не было покрыто ореолом мученика – так что позорная смерть, по-моему, для него более неприемлемая, чем предложения, которые ему сделал генерал Петров, т.е. стать маршалом немецкого народа“.⁷⁸

В разговоре со Штерном 4 августа 1944 г. Паулюс поинтересовался позицией советского руководства относительно формирования немецкой освободительной армии из числа военнопленных и был „очень доволен“ ответом Штерна, что Москва не заинтересована в том, чтобы немцы стреляли в немцев.⁷⁹ Отметим, что проекты создания немецких антинацистских боевых частей НКСГ („армии Зайдлица“) разрабатывались президентом СНО начиная с осени 1943 г.,⁸⁰ однако дальше создания небольших диверсионно-разведывательных и пропагандистских групп дело не пошло.⁸¹

---

⁷⁷ См. об этом: Борозняк А.И. Генерал-фельдмаршал Паулюс: эволюция мировоззрения // НКСГ – 50 лет, с. 76.

⁷⁸ Решин Л.Е. Усилия по привлечению генерал-фельдмаршала Паулюса к работе НКСГ и СНО в зеркале московских документов // Национальный комитет „Свободная Германия“ и Союз немецких офицеров, с.232-233.

⁷⁹ Там же, с.233.

⁸⁰ См.: документы № 5-7 // Национальный комитет „Свободная Германия“ и Союз немецких офицеров, с.214-221. См. также: ЦХИДК, ф.451/п, оп.2, д.6, л.126-129; там же, оп.2, д.7, л. 174; там же, о п.3,д.7, л. 12-15.

⁸¹ В литературе ФРГ до сих пор идут поиски следов этой никогда не существовавшей армии. (См.: Le Tisser T. Deutsche gegen Deutsche. Spuren bewaffneter „Seydlitz-Truppen“ im Einsatz 1945 // Militärgeschichte, 1995, Н.4). За „армию Зайдлица“ выдаются действия советских диверсионно-разведывательных групп численностью 10-15 человек. Некоторые из этих групп формировались из числа активистов НКСГ и СНО, но подчинялись не Зайдлицу, а начальнику 4-го управления НКВД-НКГБ генералу П.А.Судоплатову. (Судоплатов П. А. Разведка и кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.,1996, с.153-154, 198-200). Последний раз вопрос о создании „армии Зайдлица“ был поднят советским руководством 4 марта 1944 г. , когда Берия направил Сталину „Меморандум Зайдлица“ (см. «Новая Германия не сможет существовать без помощи СССР». Публикация Л. Г. Бабиченко // Источник, 1996, №1, с.51-61), суть которого сводилась к

Через шесть недель после своего вступления в СНО Паулюс обратился с личным письмом к Сталину. Излагая „как маршал маршалу“ свои „глубокие соображения и надежды“ Паулюс просил Сталина принять его.⁸² Сталин никогда не встречался со своим „персональным пленником“, однако могущественное покровительство кремлевского хозяина и после войны продолжало защищать Паулюса от обвинения в военных преступлениях. Хотя в СССР и были собраны все необходимые для судебного процесса над Паулюсом материалы, суд над ним так и не состоялся. В этом его судьба выгодно отличалась от участи многих его коллег,⁸³ в том числе и генерал-фельдмаршалов Клейста и Шёрнера, брошенных в застенки МГБ.⁸⁴

Все же Паулюсу пришлось выступить перед судом. Но не в роли обвиняемого, а в качестве свидетеля обвинения на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками. Поездке в Нюрнберг предшествовало заявление Паулюса правительству СССР от 9 января 1946 г., содержащее подробный рассказ о вкладе германского генералитета в подготовку войны.⁸⁵ При этом Паулюс признавал и свою вину: „Я сам несу тяжелую ответственность за то, что я тогда, под Сталинградом, вполне добровольно выполнял приказы военных руководителей, действовавших сознательно преступно [...] Как оставшийся в живых под Сталинградом, я считаю себя обязанным дать удовлетворение русскому народу“.⁸⁶ 11 и 12 февраля 1946 г. свидетель Паулюс был допрошен международным военным трибуналом. Особое значение в устах Паулюса, непосредственно участвовавшего в разработке плана „Барбаросса“, приобрели обвинения, выдвинутые им против подсудимых Кейтеля и Йодля. В Нюрнберге, вспоминая Сталинград, „где погибли от холода, голода и снега сто тысяч немецких солдат“, Паулюс подчеркнул, что инициатива антифашистского движения среди пленных не была привнесена русскими, но „исходила из рядов армии“, которую он привел к Сталинграду.⁸⁷

Выступления Паулюса и генерала Бушенхагена в Нюрнберге, активную роль в подготовке которых сыграло МВД СССР, были полной неожиданностью не толь-

---

предложению признать НКСГ как германское правительство за рубежом и сформировать германские освободительные войска. Вскоре после представления Сталину „Меморандума Зайдлица“ застрелился замначальника 4-го управления НКВД-НКГБ и начальник оперативно-чекистского отдела ГУПВИ генерал Мельников, который очевидно, и был „идейным вдохновителем“ „Меморандума“ и проекта создания „армии Зайдлица“. См.: Reschin L. General zwischen den Fronten. Berlin, 1995, S. 108-124 : „Deutsche Befreiungsarmee“.

⁸² АП РФ, ф.3, оп.58, д.498, л.80-82.

⁸³ В 1950 г. в СССР отбывали наказание осужденные на 17 показательных процессах 211 немецких военнослужащих, в числе которых был 41 генерал. 9 генералов находились под следствием. – ГА РФ, оп.ф.Р-9401, оп.2, д. 170, л.373-374; там же, д.235, л.130.

⁸⁴ Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der Justiz Stalins // „Gefangen in Rußland“, S.212

⁸⁵ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1958, т.2, с.592.

⁸⁶ Там же, с. 599.

⁸⁷ Там же, с. 611 – 620. См. так же: Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ.соч., с. 183-194.

ко для подсудимых, защиты и прессы, но и для их ближайшего окружения из числа военнопленных. Осведомители зафиксировали заявление Зайдлица, о котором министр внутренних дел Круглов доложил Сталину, Молотову и Берия:

„Все это отдает сенсацией, испытываешь какое-то странное чувство. Пару лет тому назад мы предлагали Паулюсу самому сделать русским заявление [...] о том, чтобы помочь вскрыть действительных виновников войны. Паулюс [...] отказался от этого. Он колеблющийся человек“.⁸⁸ Были и более резкие оценки. Генерал-лейтенант Альфонс Хиттер: „Паулюс выступает свидетелем советского обвинения в Нюрнберге. Ну и пусть выступает, если он хочет заслужить презрение всех немцев“.⁸⁹ Были и положительные отзывы: „Выступление Паулюса [...] это настоящая и очень приятная сенсация. В особенности это приятно для генералов, взятых в плен в Сталинграде. Паулюс умный человек и он понимает, что фашизм довел Германию до катастрофы, а поэтому фашистское руководство надо не защищать, а обвинять и этим самым помогать немецкому народу находить новый путь своего развития,“ – сказал генерал-майор Мориц Дреббер.⁹⁰

Паулюс надеялся в Нюрнберге встретиться с женой, которую не видел с 1942 г., но семье так и не суждено было соединиться: по окончании заседания суда фельдмаршал сразу же был вновь отправлен в Советский Союз. Елена Констанция Паулюс умерла в 1949 г. в Баден-Бадене, так больше не увидев своего мужа. Правда, по возвращении из Нюрнберга Паулюс получил письмо от сына, из которого узнал, что его жена была заключена гестаповцами в концлагерь. Прочтя письмо, он сказал:

„Если бы я раньше знал все, я бы использовал процесс и выступил бы более резко. Разве я не имел права выступать против этих свиней?!“⁹¹

После возвращения из Нюрнберга Паулюс жил на подмосковной даче МВД в Томилино. Там же находились генералы Винценц Мюллер, которого Круглов называл „нашим агентом“, и Вальтер Шрейбер. Круглов так заботился о своем главном подопечном, что даже, с разрешения Сталина и Молотова, отправил Паулюса, а за кампанию Мюллера и Шрайбера, на двухмесячный отдых и лечение в Крым.⁹²

30 сентября 1945 г. Берия обратился к Сталину с предложением ликвидировать ставшие после войны не нужными НКСГ и СНО. Ведомством Берии военнопленные-активисты этих организаций были поставлены на „специальный учет“. 26 сентября 1945 г. бывший Генсек Исполкома Коминтерна, затем заведующий

---

⁸⁸ Письмо Круглова Сталину, Молотову, Берия от 3 апреля 1946 г. – ГА РФ, Ф.Р.-9401, оп.2, д.200, л. 198-201.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Письмо Круглова Сталину и Молотову от 8 июля 1946 г.- ГА РФ, Ф.Р.-9401, оп.2, д. 170, л. 160.

отделом международной информации ЦК ВКП (б) Георгий Димитров и Кобулов представили Берии свои предложения о процедуре роспуска НКСГ и СНО. 30 сентября 1945 г. Берия направил Сталину сообщение, в котором ссылаясь на решения Берлинской конференции просил согласия на ликвидацию НКСГ и СНО. Через месяц, 30 октября 1945 г. „закрытым“ решением политбюро ЦК ВКП(б) эти организации были распущены, политическая и культурно-просветительская работа с пленными возложена на ГУПВИ, а президенту НКСГ Эриху Вайнерту было предложено созвать объединенный пленум „с участием руководящих лиц НКСГ и СНО“ и объявить о самороспуске этих организаций, что и было сделано 2 ноября 1945 г.⁹³

Не прошло и года после роспуска НКСГ и СНО, как Берия и Кобулов поняли свою ошибку: они лишились важного инструмента политического воздействия на пленных немцев с помощью самих немцев. Возникла идея создания Центра пропагандистской работы среди пленных. Зайдлиц на главную роль в этом Центре не годился: информаторы все чаще приводили его высказывания, вызывавшие неудовольствие Кремля и Лубянки.⁹⁴

11 июня 1946 г. в к Паулюсу в Томилино с предложениями подготовить проект новой организации немецких военнопленных приехал представитель ГУПВИ подполковник Л.Ф.Парпаров. Уже на следующий день фельдмаршал представил

---

⁹³ Предложения по распоряжению московского руководства о самороспуске НКСГ и СНО, адресованные Димитровым и Кобуловым Берии и Молотову от 26 октября 1945 г. // Национальный комитет „Свободная Германия“ и Союз немецких офицеров, с.271. См. также: ЦХИДК, ф.451, оп.4, д. 10, л. 12; Benser G. Zur Auflösung des NKFD 1945 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1990, H.38, S. 907-914; Fischer A. Vergebliches Ringen um das deutsche Ostheer. NKFD und BDO. Antrag auf Auflösung // Kriegsgefangene- военнопленные, S. 69-70.

⁹⁴ Недоверие советских властей к Зайдлицу нарастало постепенно. 19 мая 1944 г. выступая на совещании начальников седьмых отделов фронтов генерал-полковник Щербаков потребовал внимательно следить за руководителями НКСГ, потому что у них свои планы. Некоторые из них хотят противопоставить Советский Союз союзникам, столкнуть их. „Генерал Зайдлиц представил нам несколько документов. В них предлагалось объявить Национальный комитет немецким правительством и дать тем самым ему возможность вести работу как временному правительству или полуправительству. Нужно работать так, чтобы мы их использовали..., а не они нас“(Центральный архив министерства обороны РФ, ф.32, оп.65607,д.30,л. 146-147). 25 мая 1944 г. Мануильский сообщил Щербакову, что „составление „Меморандума Зайдлица“ было провокационным действием фашистской группы внутри СНО“ (там же, д.9, л. 123). В дальнейшем информаторы фиксировали негативные высказывания Зайдлица о Крымской конференции: „По-видимому, Германия будет поделена между США, Англией, СССР и Францией. СНО больше ничего не может сказать немецкому народу, а немцам остается только покориться ... От Германии останутся одни только клочки, лучшим исходом для Германии было бы присоединение к СССР в качестве 17-й советской союзной республики“ (ГА РФ, ф.Р-9401, оп.2, д.92, л.322-324). Решения Потсдамской конференции о восточных границах Германии он оценивал как „холодный Майданек“ для немецкого народа, который обязан Советскому Союзу тем, что у немцев „отнимут все области на восток от Одера и Нейсе... Где тут справедливость?...Красный империализм принимает чрезвычайные меры“. По поводу затянувшегося решения вопроса о репатриации генералов из СНО Зайдлиц говорил, что „когда пребывание в этой стране станет пройденным этапом, можно будет трижды перекреститься. Здесь мы переживаем одни разочарования“ (ЦХИДК, ф.451, оп.5, д.22,л.96-101).

свой проект, предусматривавший создание среди военнопленных регулярной секции, входящей в состав СЕПГ – „Демократического союза“.⁹⁵ Когда Паулюсу было указано на несоответствие его проекта и сделанного ему предложения, фельдмаршал, как отмечал Кобулов в письме Круглову, „принял наш вариант“.⁹⁶ 16 июня 1946 г. готовый документ, названный Паулюсом „Дополнениями к моему предложению от 12.VI.1946 г.“ был передан Кобулову. Паулюс, признавая, что произошло недоразумение, писал о необходимости создания среди военнопленных „Движения СЕПГ“, включающего „кадры“, „сторонников“ и „сочувствующих“.⁹⁷ Однако ни „Движение СЕПГ“, ни „Демократический союз“ во главе с Паулюсом так и не были созданы: очевидно, на Лубянке поняли всю утопичность этой затеи.

Фельдмаршал переключился на научную работу. На даче в подмосковном поселке Томилино, где вместе с Паулюсом, которого обслуживали личный ординарец Шульцэ и личный повар Жорж,⁹⁸ жили генералы Зайдлиц и Мюллер и полковник Адам,⁹⁹ шла работа по консультированию фильма „Сталинградская битва“. По заданию военно-исторического управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР Паулюс и Зайдлиц независимо друг от друга написали воспоминания о ходе боев на германо-советском фронте.¹⁰⁰

Среди рукописей Паулюса, опубликованных в СССР, но оставшихся вне поля зрения ученых как России, так и ФРГ – критический анализ вышедшей в 1949 г. в Западной Германии брошюры генерал-полковника Ф.Гальдера „Hitler als Feldherr“.¹⁰¹

После возвращения из Нюрнберга Паулюс, всегда лояльный по отношению к советским властям, все чаще думал о своей работе в советской зоне оккупации Германии. „Я вам скажу, – говорил он генералу Бушенхагену 30 марта 1946 г., – какие должности русские могут предложить нам: 1) главный начальник полиции

⁹⁵ „Большая часть военнопленных пополнит ряды Социалистической единой партии Германии. Неизвестный проект фельдмаршала Паулюса // Источник, 1994, № 3, с. 102-107.

⁹⁶ Там же, с. 103-104.

⁹⁷ Там же, с. 103-106.

⁹⁸ ГА РФ, ф.Р-9401, оп.2, д.337, л.26.

⁹⁹ Adam W. Der schwere Entschluß. Berlin, 1965, S.466-468: Bei Paulus in Turmilino.-Так ошибочно Адам называет поселок Томилино.

¹⁰⁰ См.: Паулюс Ф. Принципиальные вопросы операции 6-й армии под Сталинградом // Сталинград : уроки истории. М., 1980, с.290-291; О написании Зайдлицем военно-исторических заметок о действиях ударной группы „Зайдлиц“ по прорыву Демянского котла в марте – апреле 1942 г. , над которыми автор работал „охотно и добросовестно“, упоминается в справке, подписанной Кобуловым 30 ноября 1949 г. -ЦХИДК, ф.451, оп.5, д.22, л.96-101. Эти заметки Зайдлица не опубликованы.

¹⁰¹ Паулюс был первым немецким исследователем, который убедительно доказал ошибочность основных тезисов консервативных германских историков и бывших военачальников вермахта об „ошибках Гитлера, которые не позволили выиграть войну“. Паулюс развенчал ставший в настоящее время вновь популярным миф о „превентивном“ характере войны против СССР: «Не Восток угрожал Гитлеру, а Гитлер угрожал Востоку». – Военно-исторический журнал, 1962, №5, с.98-102.

в советской зоне; 2) президент ‚Красного Креста‘; 3) русско-немецкое общество“.¹⁰² Однако поддержанные Кругловым неоднократные заявления Паулюса советскому правительству с просьбой „рассмотреть вопрос о возможности своего использования в восточной зоне при восстановлении Германии“ Сталин оставлял без ответа.¹⁰³ Не помогло и поздравительное письмо Паулюса и генерал-лейтенанта Бамлера по случаю 70-летия „господина генералиссимуса“, в котором Сталин был назван „великодушным другом немецкого народа“.¹⁰⁴ Отметим, что Зайдлиц от подписания этого письма уклонился.

Лишь после смерти Сталина Паулюс смог навсегда покинуть СССР. „Прежде, чем я покину Советский Союз,- писал он в заявлении советскому правительству от 24 октября 1953 г., – я хотел бы сказать советским людям, что некогда я пришел в их страну в слепом послушании как враг, теперь же я покидаю эту страну как ее друг“. Свой главный вывод, выстраданный им за долгие годы войны и плена, „генерал-фельдмаршал бывшей германской армии“ сформулировал так: „судьбу германского народа нельзя строить на базе идеи господства, а только лишь на базе длительной дружбы с Советским Союзом и всеми другими миролюбивыми народами“.¹⁰⁵ На следующий день, 25 октября 1953 г., он уже был в восточном Берлине.

Паулюс, „почетный гость немецкого социалистического государства“, сразу же попавший в ГДР под негласное наблюдение МГБ СССР,¹⁰⁶ поселился в дачном пригороде Дрездена „Weißer Hirsch“, где и умер 1 февраля 1957 г.

По иному сложилась судьба Зайдлица, роковую роль в которой сыграл его бывший командарм.

В январе 1949 г. Зайдлиц подал заявление с просьбой о репатриации в восточную зону, чтобы „работать там на хозяйственной работе, предпочтительно по коневодству“ и выразил желание взять туда свою семью, проживавшую в англий-

---

¹⁰² ГАРФ, ф.Р.-9401, оп.2, д.200, л.198-201.

¹⁰³ Сопроводительная записка Круглова от 16 июля 1948 г., направленная Сталину, Молотову, Берия и Заявление Паулюса от 29 июня 1948 г. советскому правительству – ГА РФ, ф.Р.-9401, оп.2, д.200, л.373-377; Письмо Вышинского и Круглова Сталину от 29 марта 1950 г. „о возможности репатриации Паулюса“ и подготовленный ими проект распоряжения правительства СССР „О репатриации генерал-фельдмаршала бывшей германской армии Фридриха Паулюса“ – ГА РФ, ф.Р.-9401, оп.2, д.269, л.268-269; Письмо Круглова от 29 февраля 1952 г. Сталину, Молотову, Маленкову, Берия о возможности репатриации Паулюса в ГДР“ – ГА РФ, ф.Р.-9401, оп.2, д.337, л.26.

¹⁰⁴ Сопроводительное письмо Круглова Сталину от 24 декабря 1949 г. и поздравительное письмо Паулюса и Бамлера Сталину от 20 декабря 1949 г. -ГА РФ, ф.Р.-9401, оп.2, д.236, л.322-323.

¹⁰⁵ Правда, 1 .11.1953 .

¹⁰⁶ 2-й и 3-й пункты распоряжения Совета Министров СССР о репатриации Паулюса гласили: „2. Обязать уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации (тов.Голикова) принять от МВД СССР Фридриха Паулюса и направить его в распоряжение Председателя Советской контрольной Комиссии в Германии генерала армии Чуйкова для использования на работе в одном из провинциальных городов Германской демократической республики. 3.Обязать МГБ СССР (тов.Абакумова) установить за Паулюсом в Германии соответствующее наблюдение“ – ГА РФ, ф.Р.-9401, оп.2, д.269, л.269.

ской зоне в городе Ферден в районе Ганновера. Главнокомандующий СВАГ генерал армии Чуйков и руководство СЕПГ дали свое согласие. 12 ноября 1949 г., когда перед Зайдлицем, как писал Кобулов, „был конкретно поставлен вопрос о репатриации его в ближайшее время в Германскую Демократическую Республику при условии переезда туда его семьи, он выразил явное нежелание поселиться в восточной зоне“.¹⁰⁷ Кобулову донесли о недопустимых высказываниях бывшего президента СНО:

„Это невыносимое требование! Что это все значит? Если нам не доверяют, пусть нам это прямо скажут. Без гарантии в отношении участи моих детей мне никогда не удастся убедить свою жену. Почему я должен верить, что для нас действительно сделают все возможное? [...] Я – не политический деятель; я выступал против Гитлера как генерал. Это же было и в интересах англичан и американцев. Я не могу согласиться, что за это англичане могут причинить зло мне или моей семье [...] Я же не шахматная фигура, которую можно переставлять как угодно“.¹⁰⁸

После этих высказываний своего товарища по фронту и плену, Паулюс, отношения которого с Зайдлицем всегда складывались сложно и противоречиво, выразил Кобулову сомнения в политической устойчивости Зайдлица. 15 ноября 1949 г. германский фельдмаршал направил начальнику „оперативно-чекистского“ отдела ГУПВИ следующее письмо:

„Глубокоуважаемый господин генерал! [...] В ходе [...] беседы и связанных с ней разговоров с генералом фон Зайдлиц у меня создалось впечатление, что при репатриации его в восточную зону могут возникнуть такие затруднения, которые поставят под вопрос целесообразность этого мероприятия. Согласно неоднократным заявлениям генерала фон Зайдлица, его семья настолько связана с тем городом, в котором она в настоящее время проживает (гор.Ферден - английская зона), и со своими родственниками и друзьями, находящимися исключительно в западной зоне, что ему (Зайдлицу) будет исключительно трудно склонить свою семью к переезду в восточную зону. Сможет ли Зайдлиц [...] при любых условиях остаться в восточной зоне, убедить свою жену в правильности этого решения, представляется мне [...] мало вероятным. Между тем человек с разладом в душе [...] не в состоянии продолжительное время делать плодотворную работу. Это должно рано или поздно привести к срыву. Если я до сих пор старался влиять на генерала фон Зайдлица с тем, чтобы укрепить в нем желание работать в восточной зоне, то я также исходил из того соображения, что при возвращении в западные зоны с ним, как с политически уязвимым лицом, могут произойти нежелательные осложнения. Такая опасность, конечно, существует; но я считаю ее гораздо менее значительной, чем вред, который будет причинен в случае, если работа фон Зайдлица в восточной зоне кончится срывом, то есть, если он в один прекрасный день заявит: „Я больше не могу

¹⁰⁷ Справка на военнопленного генерала артиллерии бывшей германской армии фон Зайдлиц Вальтера. – ЦХИДК, ф.451, оп.5, д.22, л.96-101. См. также: Национальный комитет „Свободная Германия“ и Союз немецких офицеров, с.240-243, документ № 4.

¹⁰⁸ Документальная коллекция ЦА ФСБ РФ, документ №2. – Национальный комитет „Свободная Германия“ и Союз немецких офицеров, с. 237-238.

здесь оставаться'. Я считаю своей обязанностью ознакомить Вас с этим положением вещей как в интересах дела, так и в интересах самого моего товарища".¹⁰⁹

В результате бывший президент СНО был внесен в список „реваншистски настроенных генералов".¹¹⁰ „Реваншистски настроенные генералы" обязательно фигурировали среди кандидатов на предание суду военного трибунала.¹¹¹ Суд военного трибунала ожидал и Зайдлица. Оставалось лишь найти его вину.

Было известно, что еще в 1943 г. Зайдлица, как и многих военнопленных, встревожили решения Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США о привлечении к ответственности военных преступников.¹¹² 8 ноября 1943 г. он обратился к генералу Мельникову с просьбой „в виде исключения предоставить смягчающие обстоятельства тем виновникам преступлений, которые присоединятся к движению „Свободная Германия" и искупят свою вину путем особенно активной борьбы с гитлеровским режимом".¹¹³ Когда в 1944 г. виновниками зверств были названы генералы Траут и Клянт,¹¹⁴ Зайдлиц обратился в ГУПВИ с просьбой ускорить расследование, т.к. деятельность НКСГ и СНО будет сильно скомпрометирована, если его члены, объявленные гитлеровским правительством преступниками, будут обвинены также и в СССР.¹¹⁵

Но такая же участь ждала самого Зайдлица. Президент СНО в „Третьем рейхе" был объявлен вне закона, а 25-25 апреля 1944 г. нацистский военный суд в городке люфтваффе в Дрездене заочно приговорил его „за предательство интересов

---

¹⁰⁹ Письмо Паулюса Кобулову от 15 ноября 1949 г. в переводе с немецкого см.:

Национальный комитет „Свободная Германия" и Союз немецких офицеров, с. 239-240, документ № 3. Немецкий текст документа см.: Reschin L. General zwischen den Fronten, S.246-247, факсимиле – S.244-245.

¹¹⁰ 17 марта 1950 г. были утверждены два строго секретных Постановления Совета Министров СССР №1108-396сс и № 1109-397сс, которые предписывали освободить из плена и репатриировать 23 генерала, а остальных привлечь к уголовной ответственности по Указу от 19 апреля 1943 г., разделив их на три группы, каждая из которых была включена в отдельный список. Список № 1- „военные преступники, совершившие зверства на временно оккупированной территории СССР"- 51 человек, список № 2 – „генералы, реакционно реваншистски настроенные"- 59 человек, список № 3 – «сотрудники карательных, разведывательных, полицейских органов и частей СС»-9 человек. 3 генерала должны были быть переданы властям Чехословакии. Зайдлиц был внесен в список № 2. – ГА РФ, ф. 9492, оп.9, д.49, л. 17. Директива № 00201 от 22.03.1950.

¹¹¹ ГА РФ, ф.Р-9401, оп.2, д.269, л.32-34.

¹¹² В Московской декларации от 30 октября 1943 г. говорилось, что военные преступники будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран". – Внешняя политика Советского союза в период Отечественной войны, Т.1, М., 1946, с. 418.

¹¹³ ЦХИДК, ф.451, оп.2, д.7, л.151.

¹¹⁴ В 1945-1947 гг. в СССР на процессах над военными преступниками 18 немецких генералов были приговорены к смертной казни, а 23 генерала – к 25 годам каторжных работ. – ЦХИДК, ф. I/II, оп.21 а, д.4, л.44.

¹¹⁵ Решин Л.Е. Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену //НКСГ-50 лет, с. 178-179.

Германии, подлую измену Родине и фюреру“ к смертной казни. Госпожа Зайдлиц была вынуждена в интересах детей заочно оформить развод с мужем, но и она, и их дочери были арестованы гестапо и посажены в концлагерь.

24 мая 1950 г. Зайдлиц был арестован в Красногорске и помещен в московскую Бутырскую тюрьму. Он был обвинен в преступлениях, предусмотренных 1-й статьей Указа от 19 апреля 1943 г.¹¹⁶ Основными свидетелями по делу Зайдлица были пленные генералы фон Коллани и Бек-Беренс. Показания Бек-Беренса сводились к тому, что он как начальник штаба 16-й армии отдавал преступные приказы, а командир 12-й пехотной дивизии Зайдлиц их преступно выполнял.¹¹⁷ Ни следствие, ни суд не приняли во внимание то обстоятельство, что Бек-Беренс был назначен начальником штаба 16-й армии уже после того, как Зайдлиц сдал командование 12-й пехотной дивизией и, следовательно, никак не мог выполнять приказы Бек-Беренса. После знакомства с обвинительным заключением Зайдлиц сказал сокамернику-немецкому офицеру: „На суде я скажу всю правду, выступлю как Георгий Димитров“. Узнав об этом из доноса сокамерника, Кобулов приказал ускорить „расследование“. Вместе с тем сокамерник отмечал ненормальное поведение Зайдлица. Позже врачи поставили диагноз: реактивный психоз. „Дело“ Зайдлица было рассмотрено 8 июля 1950 г. на закрытом судебном заседании военного трибунала войск МВД Московского военного округа без участия защиты и свидетелей. Заседание началось в 11 часов 35 минут, а в 15 часов 55 минут был оглашен приговор: 25 лет тюремного заключения. Выслушав его, генерал сказал: „Лучше бы я сразу умер“.¹¹⁸

В Новочеркасской тюрьме, куда поместили осужденного Зайдлица, условия содержания были намного хуже лагерных: холодная камера, без продовольственных передач и денежных переводов.

Вскоре после смерти Сталина режим содержания осужденных – бывших военнопленных изменился к лучшему: с 6 июня 1953 г. все осужденные специальным постановлением Совета Министров СССР получили право получать посылки, письма, денежные переводы.

26 сентября 1955 г. Президиум ЦК КПСС утвердил проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о досрочном освобождении немецких граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов СССР.

4 октября 1955 г. осужденный гитлеровской и сталинской юстицией, бывший вице-президент НКСГ и президент СНО Вальтер фон Зайдлиц был выдворен за

---

¹¹⁶ Обвинительное заключение на Зайдлица см.: ЦХИДК, ф.451, оп.5, д.225, л.117-122.

¹¹⁷ Бек-Беренс, надеясь облегчить свою участь, по настоянию следователей дал показания против Зайдлица. Однако „чистосердечное признание“ не помогло ему освободиться из плена. Бек-Беренс, так и не дождавшись репатриации, скончался в лагере № 48 в январе 1955 г.

¹¹⁸ Решин Л.Е. Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену //НКСГ-50 лет, с. 181-183.

пределы СССР. Перед тем как навсегда покинуть Советский Союз, он обратился к Председателю Президиума Верховного Совета СССР маршалу К.Е.Ворошилову с благодарственным письмом: „Завтра, покидая территорию Советского Союза, я испытываю глубокую потребность выразить свою сердечную благодарность Верховному Совету СССР за все то хорошее, что я здесь пережил и узнал за время моего более чем 12-летнего пребывания“¹¹⁹

Вальтер фон Зайдлиц жил в ФРГ, где и умер в 1976 г. Смертный приговор, вынесенный ему нацистским судом в 1944 г., был отменен в ФРГ в 1956 г. Но лишь через 20 лет после смерти, 23 апреля 1996 г., он был реабилитирован в России.¹²⁰

Итог

Ужасы плена, которые выпали на долю советских военнопленных, невозможно постичь, не имея представления о человеконенавистнической расистской идеологии национал-социализма.

Страдания, которые довелось испытать немецким военнопленным в СССР, непостижимы без знания о том, что такое сталинизм и советская лагерная система.

В 1981 г. бывший обер-ефрейтор вермахта Генрих Бёлль и бывший майор Красной Армии Лев Копелев начали уже ставший историческим диалог на тему „Почему мы стреляли друг в друга?“¹²¹ Этот вопрос остается актуальным и сегодня. Картины войны и плена десятилетиями остаются в памяти людей, отравляя их сознание, осложняя отношения между людьми, народами и странами.

Тем важнее сегодня, когда европейские народы и государства пытаются построить свои отношения не на классовой или расовой, а на общечеловеческой основе, людям разных национальностей, культур и поколений говорить о том, что последствия войн можно преодолеть только с помощью взаимного прощения, человеческого взаимопонимания и примирения.

Люди могут избавиться от военного плена, лишь избавившись от войн.

---

¹¹⁹ Письмо Зайдлица Ворошилову от 3. 10.1955 г. см.: ЦХИДК, ф.451, оп.1, д.19, л.265-266.

¹²⁰ Письмо главной военной прокуратуры РФ о реабилитации Зайдлица см.: Национальный Комитет „Свободная Германия“ и Союз немецких офицеров, с.247.

¹²¹ Böll H., Kopelew L. Warum haben wir aufeinander geschossen? Bornheim-Merten, 1981.